

Цетради по консерватизму

[№ 2 2018 г.]

Москва
Некоммерческий фонд – Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2018

*В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям
23.00.00 – Политология, 07.00.00 – Исторические науки и археология,
09.00.00 – Философские науки.*

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет
Д.В. Бадовский, А.Д. Воскресенский, А.А. Иванов,
М.А. Маслин, Б.В. Межуев, А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов (гл. редактор),
Е.Н. Мошелков, Л.В. Поляков (председатель), С.В. Перевезенцев, М.В. Ремизов,
А.С. Ципко, А.Л. Чечевишников, А.А. Ширинянц.

Тетради по консерватизму: Альманах. – № 2. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2018. – 338 с.

Очередной номер альманаха «Тетради по консерватизму» отдает дань памяти русскому мыслителю Н.А. Бердяеву и приурочен к 70-летию его кончины. Истоки и смысл бердяевской философии, переключки бердяевских тем в разные времена и эпохи, влияние мыслителя на отечественную и зарубежную мысль – сквозные темы выпуска.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 67506.

© АНО «Средство массовой информации
Альманах «Тетради по консерватизму»», 2018
© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2018

Содержание

Леонид Поляков
Слово к читателю
7

Раздел первый

Личное дело

- М.А. Маслин
К вопросу о консерватизме Николая Бердяева
11
- В.В. Аксютин
Заблуждения гения – Н.А. Бердяев о «русском коммунизме»
21
- M. Martin
Nikolai Berdyaev: Philosophy, Prophecy, Eschatology
34
- Н.Н. Ростова
Творчество Николая Бердяева в контексте идеи философской антропологии
40
- А.С. Ципко
Философские и личные истоки антибуржуазности Николая Бердяева
45
- Л.Е. Шапошников
Н.А. Бердяев и русское православие
59
- А.А. Тесля
Розанов и Бердяев: в полемике и переключке тем
64

Раздел второй

Топография мысли

- А.И. Болдырев
Основной вопрос философии Николая Бердяева
75
- А.С. Ципко
Как «легальные марксисты» расставались со своим учителем
81
- А.А. Кара-Мурза
Н.А. Бердяев и его «московская идентичность»
107
- Н.К. Гаврюшин
От свободы-в-Вольтере к свободе-во-Христе: Бердяев глазами французских философов
117
- В.В. Ванчугов
Бердяев today: образ мыслителя в современном англоязычном мире
127
- А.И. Иваненко
Проблема национальной атрибуции в философии
135

Раздел третий

Смысл истории

- Л.Е. Шапошников
Историософские взгляды Н.А. Бердяева
143

игумен Виталий (Уткин), Н.В. Рюмин-Македонов
«Великая Россия» vs апокалипсическая революция: Н.А. Бердяев,
П.Б. Струве, Д.С. Мережковский
151

Е.С. Холмогоров
Старый порядок и реставрация. Идеология Солженицына в координатах анти-Просвещения
169

Ф.И. Гиренок
О прозрениях и заблуждениях Н. Бердяева в работе «Новое средневековье»
203

А.С. Абрамян
«Русский мессианизм»: Предыстория (XI–XIV века)
207

Раздел четвертый

По мотивам

Е.С. Холмогоров
Неопровергнутое доказательство. Философия В.И. Несмелова, о счастье, смерти, Боге и человеке
221

В.И. Шамшури
О значениях консерватизма
241

В.А. Щипков
Интеллигентная воровская речь
261

М.В. Медоваров
Есть ли у бюрократии идеология?
Заметки на полях дискуссии о статье Николая Бердяева
269

В.А. Кудрявцев, Т.Н. Грудина, А.И. Вакулинская
Актуальность наследия Н.А. Бердяева и И.А. Ильина в условиях кризиса институтов
семьи и государства в современной России
280

Раздел пятый

Прикосновенный запас: из неопубликованного и непрочитанного

А.А. Гапоненков
«...Нас объединяет то, что мы свободные мыслители...»: фрагмент переписки
С.Л. Франка и Н.А. Бердяева 1938–1939 годов
295

М.А. Колеров
Николай Бердяев. Памяти А.П. Чехова (1904)
301

М.А. Колеров
В.В. Зеньковский в газете «Народ» (1906)
315

Раздел шестой

Персоны и книги

Н.Н. Ростова
Протоиерей Всеволод Чаплин: Истина и «кривды»
327

Мэтью Купер
Щипков, аксиомодерн и «Новый Бронзовый век»
331

Интеллигентная воровская речь

Самая беспощадная и последовательная критика интеллигенции всегда была делом самой интеллигенции. Восстание интеллигенции против самой себя в России проявлялось в идеях и практиках хождения в народ, опрощения, затем в почти обожествлении самого грубого пролетарского революционного бунта, а впоследствии – в нелюбви к делам своих рук: революции и советскому прошлому. Советский Союз отрицается современной интеллигенцией за то, что он был самой интеллигентской за всю историю страной – результатом свободного воплощения утопии, порожденной интеллигентским сознанием. Такая самокритика руководствуется репрессивной логикой: ненависть и раздражение обрушиваются на ту часть интеллигенции, чье поведение изображается как ошибка, отклонение от интеллигентской «нормы». В итоге создается образ неправильной, плохой интеллигенции, которая отклонилась от нормы и противостоит интеллигенции правильной.

Русские философы, анализировавшие и критиковавшие интеллигенцию (Н.А. Бердяев, авторы «Вех», «Из глубины», «Из-под глыб» и др.), убежденно и последовательно отделяли интеллигенцию настоящую (ответственную, нравственную) от ложной – «кружковой», «направленной»¹, «отщепенской» «интеллигентщины», «образованщины».

Есть ли на самом деле эта граница, разделяющая кружковщину и настоящую интеллигенцию? Бердяев критикует повсеместную кружковую, отщепенскую интеллигенцию в самых жестких, эмоциональных выражениях: «...дух интеллигентской массы – бездарен до ужаса, лишен всякой творческой и общечеловеческой идеи, банален до тошноты» (1907) и т.п. Однако то же самое говорил про интеллигенцию его оппонент, В.И. Ленин, отделявший «буржуазную», «околокадетскую» интеллигенцию, **«интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации»** [1, с. 47–49], от «настоящей» интеллигенции – «интеллектуальных сил», состоящих не только из образованных рабочих и крестьян, но и бывших царских офицеров, и даже некоторых **«буржуазных интеллигентов, искренне помогающих рабочим и крестьянам»** [1, с. 25].

Возмущение одной частью интеллигенции в отношении другой может достигать наивысшего напряжения вплоть до политических чисток. Это наивысшее напряжение, переходящее в открытую войну, возникает после того, как себя исчерпали другие способы ответить на вопрос, чем настоящий интеллигент отличается от ненастоящего. Этот вопрос никогда не решался миром. То, что не разделяется на части, рубится по живому сначала грубыми словами, а затем физической силой.

Однако настоящей границы между разными названиями интеллигенции нет. «Хныкающие» «интеллигентики» Ленина и «отщепенская» «интеллигентщина» Бердяева в

¹ Направленство – слово из XIX века, синоним партийности в негативном смысле.

конечном счете различаются не идеологически и духовно, а лишь стилистически и эмоционально. «Хныкающие» в дальнейшей истории вновь становились «отщепенскими» и наоборот. Это два стилистически разных термина, обозначающих одно явление. Они означают ту интеллигенцию, которая вызывает у говорящего раздражение, не более того.

Спор о природе интеллигенции – это спор интеллигенции о себе самой, о путях укрепления власти над современностью. Сначала в этом споре побеждал условный Ленин, со второй половины XX века до сегодняшнего дня побеждает условный Бердяев. После перестройки это проявилось наиболее выразительно: постсоветская интеллигенция, памятуя прошлые оскорбления, начала уничтожать Ленина физически, демонтируя памятники ему и объявив процесс десоветизации. Но однажды интеллигенция вновь задумается над тем, чтобы вернуться к стилю Ленина, и это будет та же самая интеллигенция, которая пока что стоит на антисоветских позициях.

Формально Бердяев критиковал не всю интеллигенцию, а только ее «третий элемент», «отщепенцев» – людей «полуобразованных, обиженных на мироздание, но всегда приписывающих себе prerogatives спасителей отечества» [2, с. 67]. Эта постоянно повторяющаяся оговорка о существовании разных типов интеллигенции нужна Николаю Александровичу для того, чтобы не обижать авторитетных и уважаемых людей, относящихся к «настоящей» интеллигенции, а так же чтобы отделять и выделять самого себя от «интеллигентской массы». Однако он зачастую уставал от этих уточнений и писал об интеллигенции вообще. Интеллигенция предстает и прочитывается в текстах Бердяева как цельный, единый феномен. По этой же причине в историю русской мысли и сборник «Вехи» вошел как недвусмысленная критика именно интеллигенции, интеллигенции вообще, а не «третьего элемента» «четвертого сословия».

Попытка отличить интеллигенцию «истинную» от «неистинной» – опасный и ложный путь, поскольку он воспроизводит дискурс социальной раздробленности, «тренируется» в выработке сегрегационных критериев, которые потом могут распространиться на все общество. Кроме того, он не останавливает периодическое переворачивания этих критериев: в результате изменения политической конъюнктуры или повестки дня «ложные» интеллигенты вновь становятся «истинными» и наоборот. При этом часто страдают люди, которые вовсе не ассоциируют себя с интеллигенцией, не принадлежат к этому феномену.

Мы критикуем интеллигенцию по-другому, как особую этику, а не как людей: не за то, что нам не нравятся ее носители, а за то состояние, которое прививает человеку этот выработанный веками метод мышления и образец поведения, эта субкультура и особая этика. Важно вывести феномен интеллигенции из социально-исторической сферы в сферу этическую, отделить интеллигентность от человека, показать интеллигентность как временное свойство, настроение, состояние духа, которое в разные периоды жизни может быть присуще каждому, независимо от его образования и социального статуса. На наш взгляд, этот подход поможет вывести вопрос об исторической роли интеллигенции из ряда антиномичных, неразрешимых.

У интеллигенции есть две ключевые характеристики, которые имеют одно общее происхождение – стремление к власти над историческим процессом. Первая характеристика внешняя, она обращена в общество – это желание создать подобие своей особой религии и подменить собой традицию [8]. Вторая, которая рассматривается в настоящей статье, – внутренняя; она обращена в себя – это специфическое сознание, которое отражается на характере речи интеллигенции.

Речь интеллигенции многое расскажет о ней. Именно на специфике речи строится внутренняя иерархия интеллигенции, очерчивается ее круг, а также формируется отношение

к внешнему миру. Под «речью» понимается способ мыслить, воспринимать мир, душевное состояние человека. Через особенности речи можно воссоздать состояние говорящего.

Точно описать речь интеллигенции можно с помощью метафоры воровской (блатной) речи. Если принять необычный и несколько вызывающий характер такого сравнения, то оно поможет лучше понять феномен интеллигенции, поскольку и воровская, и интеллигентская речь преследуют одну и ту же конечную цель – констатация своей власти – и поэтому обладают схожими чертами и функциями.

Свое описание интеллигентской речи с помощью этой метафоры мы построим с опорой на анализ воровской речи, предложенный Д.С. Лихачевым, и сравним его с анализом интеллигентской речи в работах Н.А. Бердяева.

Труд Д.С. Лихачева «Черты первобытного примитивизма воровской речи» [5] как будто посвящен речи интеллигентской.

Лихачев отмечает, что воровского языка не существует, потому что он не имеет внутреннего источника развития и начинает деградировать, еще не родившись: «Воровского языка нет <...>: есть только воровская речь». Эта речь несамостоятельна, она нуждается в постоянной опоре на естественный язык («Воровская речь не может вполне отказаться от... строя обычного языка») и она не может выполнять главную функцию языка – сохранять языковую традицию, связывающую разные части одного народа и разные поколения в единое целое, формировать единую идентичность у говорящих на этом языке. Функция воровской речи – поддерживать определенное состояние духа и воспроизводить конкретный социальный статус. В этом смысле воровская речь, как и речь интеллигентская, является политической надстройкой над языком.

Точно так же мы говорим не об особом интеллигентском языке, а лишь об интеллигентской речи. Язык – это составляющая часть традиции, ее элемент. В одной из своих трактовок язык и есть традиция. Интеллигенция живет по методу отрицания традиции. «Пользуясь» в этом смысле традицией и опираясь на язык, она отделяет себя от них, как психологически отделяет себя человек от других людей, которых желает подчинить. Интеллигенция живет как надстроечная, «свободно парящая» (К. Маннгейм) часть общества, ощущает себя над обществом и вне общества. По этой причине интеллигенции принадлежит не особый язык (элемент традиции), но лишь специфическая речь, то есть собственная характерная интерпретация языка.

Воровской и интеллигентской речи присущи общие черты и функции.

У воровской речи есть существенное отличие от других субкультурных типов речи. Речь вора – не только способ коммуникации с себе подобными, но и главное условие его выживания в воровском восприятии мира, разделенном на две части: на мир внешний, легальный, который становится объектом хищничества, и на мир внутренний, нелегальный, по «законам» которого живет вор. Речь вора позволяет отделить себя от внешнего мира, порвать с ним всякие духовные связи и получить ничем не ограниченную моральную свободу действий в нем. Вор может оставаться вором, только постоянно отделяя себя от мира, воспроизводя дискурс раскола. В этом смысле эта речь основывается на **сектантском типе мышления**.

Сектантский тип речи встречается в разных областях жизни. Но почти никогда «сектант» не признается, что отделяет себя от мира ради того, чтобы властвовать над ним. Воровская же речь всегда открыто декларирует это стремление.

Такая же структура сектантского сознания возникает в описаниях интеллигенции у Н.А. Бердяева. К этой мысли он приходит через анализ интеллигентского типа речи – особенного «жаргона», который формируется не столько особой лексикой, сколько специфическим взглядом на мир.

По словам Бердяева, этот жаргон обладает очень ограниченными возможностями для выражения мыслей и идей, на нем невозможно говорить о больших явлениях и про-

цессах: «Направленский жаргон, быстро усваиваемый студентами и курсистками, принимается за общечеловеческий язык, в то время как в жаргоне этом исчезают все великие проблемы». «Писатели <...> “интеллигентские”, кружковые, направленские, никогда они не могли и не могут стать общенациональными и общечеловеческими». «Кружковая “интеллигентщина” отвергла всю великую русскую литературу, не поняла религиозной жажды лучших русских людей и русского народа, не знает русской философии, оказалась неспособной к органическому общественному развитию» [2, с. 70–71].

Зашоренность и обращенность говорящего на этом жаргоне внутрь себя происходит от того, что ему неинтересны общество и мир сами по себе: он стремится не узнать общество и себя в нем, а быть над ним и одновременно вне его. Так же человек, ищущий власти, не интересуется историческими и культурными обстоятельствами самими по себе, они его демотивируют или по крайней мере отвлекают: для него важен текущий исторический момент, окно возможностей.

«Сектантский максимализм» интеллигенции (особенно революционной), по словам Бердяева, исключает всякую возможность прикоснуться к «вселенскому духу» [2, с. 105]. «Интеллигенция» принимает свой маленький мирок, свои душные комнаты, свои кружковые разногласия за мировое бытие, за жизнь мировой души» [2, с. 71]. Поэтому интеллигентность всегда противоположна универсальности, вселенскости. А также противоположна любой классике – всему, что несет в себе одинаково важные для всех времен ценности. Интеллигент не может стать классиком – ни в политике, ни в искусствах. Насколько человек становится классиком, настолько он перестает быть интеллигентом (если им являлся). «Сектант, – писал Бердяев, – не способен мыслить великое целое и направлять свою волю на это целое, этим он отличается от человека церковного, чувствующего себя во вселенском целом. Сектантская психология революционной интеллигенции привела к крайней упрощенности мышления. Вся сложность жизни ускользала от ее взора, видна была лишь одна прямая линия, весь многообразный Божий мир делился на «правый» и «левый». Психология этого интеллигентского сектантства никогда не была творческой и производительной, она была целиком охвачена жаждой раздела и распределения» [3, с. 200].

Вор и интеллигент выживают, поскольку потребительски относятся к внешнему миру как к доступному источнику всякого желаемого блага и считают оправданным насилие над ним. И вор, и интеллигент не ищут способов изменить себя. Кредо, главным принципом их существования становится стремление изменить внешний мир, но самим при этом оставаться неизменными. Они находятся в поиске инструментов принудительного воздействия на мир, чтобы мир во всем им угодил. Если вор редко заходит дальше схем физического принуждения, то интеллигент конструирует секулярные утопии: от утопии чистой науки, веры в чистое знание до утопических моделей строительства государства. «Интеллигенция привыкла исповедовать самые безответственные теории и утопии, которые никогда не проверялись на жизненном опыте. В своем замкнутом мирке интеллигенция изживала самые крайние учения, но никогда серьезно не готовила себя к жизненной проверке этих учений» [3, с. 201]. Но это происходит не по причине ее «безответственности» или от недостатка личных качеств. Просто ей этого не нужно: интеллигенция никогда не верит в собственные утопии полностью, никогда не борется за них до последних сил. Потому что утопии для нее важны не сами по себе, а представляют ценность только как источник полномочий какое-то время говорить от имени самой истории. Интеллигенция не ценит утопии, утопия для нее – это игра. Но она яростно отстаивает свои полномочия конструировать утопии и определять правила этой игры, борется за это право серьезно, всеми возможными средствами, не жалея ни себя, ни общество.

Такому отношению к миру как объекту противостоит христианский принцип: «стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся». То есть измени себя к лучшему, и мир преобразится.

Речь интеллигенции, как и воровской жаргон, стремится быть **эгоистичной, непонятной и насильственной**.

Когда речь человека служит целям миротворчества, примирения и объединения, она стремится быть открытой, понятной и дружественной, всей своей формой и содержанием обращена к собеседнику, заботливо переживает о том, чтобы он все услышал и правильно понял. Если речь служит противной цели – ссорить, разделять и утверждать свою власть, – то она превращается в орудие насилия, обращена «внутрь» себя. Главный для такой речи – сам говорящий. Он не старается и не стремится быть понятным.

Воровская речь – это предельно эгоистическое воздействие на мир, при котором говорящий субъект остается максимально неизменным и бесчувственным по отношению к объектам, на которые он воздействует. «Пусть весь мир перестанет быть, а я добьюсь своей воли». Это слепая, нерелефлексивная, отделившая себя от мира сила. Поэтому сила, вечно чуждая миру и Богу, выморочная, холодная, отверженная, часто грубая и не знающая сострадания. Это состояние преступно эгоистического отношения интеллигенции к миру Бердяев называл «безответственностью»: «Вся революционная история русской интеллигенции приучила ее к безответственности. Она никогда не призывалась к ответственным делам в русской истории. Ответственность за несчастную судьбу России, за все зло русской жизни привыкла интеллигенция возлагать на “них”, на власть, противопоставляемую народу, но никогда на себя» [3, с. 201].

Будучи обращенными только внутрь себя, и интеллигентская, и воровская речь всегда не до конца ясны слушателю. Они вынуждают собеседника слушать с большим напряжением, переводить слова про себя, как будто иностранные, понимать сказанное не полностью и с большим опозданием. Слушатель кивает головой, еще не вникнув в суть прозвучавшего, догоняет убегающие, ускользающие смыслы, испытывает страх потерять эту нить и «выпасть из дискурса». В этом смысле оба типа речи совершают над слушателем насилие.

Слово и язык рождаются определенным душевным состоянием, речь является выражением состояния воли и нравственности человека. Как отмечал Д.С. Лихачев, вор двуязычен, потому что он двуличен [5]. Воровская речь эмоционально экспрессивна, больше завязана на физиологическую моторику, чем на семантику. Такая речь всегда нападает. Передача смысла в ней всегда опаздывает за декларацией воли говорящего. То же можно сказать и про речь интеллигенции.

Разговор и с интеллигентом, и с вором всегда строится, как экзамен, в ходе которого интеллигент/вор испытует своего собеседника, намеками спрашивая, свой ты или чужой. Кто не попадает в такт, неправильно отвечает на вопросы – тот выбывает, в отдельные периоды истории – из жизни. Поэтому такая речь призвана внушать страх.

Эта речь строится, как игра говорящего со слушателем, здесь процветают бесконечные иносказания, намеки и полутона, которые никогда не становятся статичными. Ирония – неотъемлемая часть такой речи. При этом ирония, обращенная к «чужому», свидетельствует о растущей дистанции между ним и говорящим. Ирония, звучащая в кругу «своих», является условной разминкой, спланированным упражнением и подразумевает, что где-то есть «чужой третий», против которого эта ирония может применяться.

Такая обращенная внутрь себя речь меняется быстрее, чем общество способно к ней привыкнуть. Догнать ее можно, только если человек оставит интеллектуальные усилия и совершит определенный моральный выбор – изменит образ мыслей, переступит нравственную черту, начнет думать и чувствовать, как вор или как интеллигент. После этого речь его поменяется сама. Тогда он разрешит себе говорить с позиции силы, будет легко и органично ориентироваться в своей новой речи без страха ошибиться в формулировках и применять ее в своих целях.

Интеллигентское или воровское сознание создает **иллюзию творческой свободы**. Это предельно «творческое», «свободное» и властное состояние, которому не мешает никакая нравственная основа. Здесь нет нравственности, есть только ограничения, навязываемые экзистенциальным страхом.

Такое творчество разрушает, является творчеством наоборот, антитворчеством. Оно не порождает новое, но истощает человека, а потому подводит его к страданиям, к личному бунту и революции. Точное изображение такого душевного состояния Бердяев находит у Ф.М. Достоевского в «Бесах», в изображении фигуры Николая Ставрогина, интеллигента, революционера и хладнокровного преступника: «Безмерность желаний Ставрогина вышла наружу и породила беснование и хаос. Он не совершил творческого акта, не перевел ни одного из своих стремлений в творческое действие, ему не было дано ничего сотворить и осуществить. Его личность расковалась, расплылась <...>, иссякла <...>» [4, с. 88].

Н.А. Бердяев описывал это состояние как безудержное ницшеанское и ставрогинское «творчество», которое не делает различия между добром и злом и которому по этой причине мешает «старое» религиозное сознание [4, с. 88]. Это творчество основано на «антиномическом отношении к злу» [4, с. 88], если использовать выражение Бердяева, то есть в нем зло трактуется в том числе как благо, как жизненно необходимый опыт, который должен пережить творящий человек.

Такое «творчество наоборот» позволяет через разрушение и насилие искусственно ощутить власть своего слова над миром, в том числе слова просветительского, научного, ощутить себя не просто авторитетом и одним из «лучших людей», но высшим сословием – «князем», как называли Ставрогина.

Однако подобное «творчество» неполноценно – оно имитационно и безблагодатно. «Только подлинный творческий акт сохраняет личность, не истощает ее» [4, с. 85], – приходит к выводу Бердяев.

Стремление к ничем не ограниченному творчеству становится эвфемизмом поиска сверхполномочий, **абсолютной власти**. Творчество и власть в этом контексте являются полными синонимами. Именно это состояние Бердяев приписывал интеллигенции: «Ткань души этих людей такова, что они не могут властвовать. Власть – не интеллигентское дело. Когда интеллигенты-революционеры перестали быть гонимыми и превратились в гонителей, у них обнаружилась черта ужасного нравственного неблагообразия. Они не способны достойно нести бремя власти, ибо прежде всего понимают власть как право, а не как обязанность. Для того чтобы достойно властвовать, нужно отказаться от революционной психологии, нужно приобщиться к тайне целого и тайне преемственности. “Революционная власть”, как и “революционный порядок”, – нелепое словосочетание. Попытки создать “революционную власть”, опираясь на революционную психологию, в течение нескольких месяцев уподобили атмосферу, в которой действует правительственная власть, бедламу и породили явления нравственного безобразия» [3, с. 203].

Власть, оторванную от традиции (или «преемственности», как говорит Бердяев), он сравнивает с «бедламом» и анархией, показывает ее ненастоящей и ущербной. Но при этом признает, что интеллигенты-революционеры хотят и стремятся к этой власти, которую понимают по-своему, – «как право, а не как обязанность». Ставрогинское и раскольниковское «власть как право» и есть состояние человека, принявшего определенное решение и переступившего определенную нравственную черту.

Наконец, в первооснове воровской речи и блатного сознания Лихачев находит бранную (матерную) речь. Он приходит к выводу, что «воровская речь вся построена на известном волевым напряжении, и с этой точки зрения может быть сопоставлена только с речью бранной».

Мат – речь-перевертыш, которая функционирует «наоборот». Добро и священное здесь обозначают слабость, а низкие или отрицательные категории обозначают силу и власть. Мат обрушает ценности и традиционную нравственную иерархию. Чем глубже удастся выразить это падение, тем сильнее и властнее становится говорящий. Мат отделяет говорящего от других. Главное в мате – это создаваемая дистанция, которая призвана внушать страх и уважение к говорящему, создавать иллюзию того, что он находится на

недосягаемой высоте. Мат как бы ставит говорящего на недосягаемую высоту над всеми, внушая чувство страха, трепета и силы.

Но страх высоты, как известно, возникает, когда человек смотрит не вверх, а вниз, в пропасть. Именно глубоко внизу находится человек, использующий такую речь, и чем большей пугающей силы он придает своим бранным словам, тем ниже он себя опускает. Бранная речь создает впечатление ложного величия, иллюзию чего-то большого и важного.

Из «легальных» типов речи ближе всего к мату находится ирония, получившая особенное распространение в эпоху постмодерна, став главным способом говорить о серьезных вещах, а прямое высказывание [6] вызывает, наоборот, смех и недоверие. Ирония, как и бранная речь, разделяет людей, очерчивает круг избранных [7].

Мат существует давно. Однако сама современная культура стала матерной (ценностно перевернутой), когда мат как способ мышления стал нормой в интеллигентской среде. Многие слышали от людей интеллигентных такое утверждение, что ругаться матом можно, если знать, как «правильно» и «к месту» это делать. В хороших московских школах некоторые учителя русского языка и литературы, причисляющие себя к свету интеллигенции, говорят эти слова ученикам средних классов. Этим они ошарашивают их и заставляют себя уважать. Мат из уст русиста, светской дамы или профессора, произнесенный с достоинством и к месту, считается неоспоримой силой, признаком статуса.

Ругань же из уст народа воспринимается презрительно. Потому что бранная речь, мат – это не сама лексика, но образ мыслей. Мату не всегда нужны обценные слова, чтобы быть выраженным. Настоящий интеллигент не произносит бранных слов и не имеет их в виду, но думает на мате, матерными интенциями, структурами и предикатами. Материться, мыслить матом можно и без единого бранного слова. Это означает руководствоваться иной, нехристианской этикой, осознанно переступить нравственную черту, перейти в блатной мир ради получения власти. Раскольников захотел перейти в «касту блатных», чтобы стать хозяином жизни и «право иметь», из презренного превратиться в презирающего. Этот переход произошел раньше совершенного им преступления – в момент, когда он стал рассуждать о мире на антихристианском языке, мыслить «бранной» речью.

В иерархии интеллигенции тот, кто думает на мате (не обязательно бранными словами) и действует «по-блатному», стоит выше того, кто думает на обычном языке и действует по-христиански. Тот, кто думает на мате, является для широких слоев интеллигенции кумиром, центром силы и притяжения.

Подставив в вышеизложенное описание «блатной», «воровской», «матерной» культуры слово «интеллигентский», мы получим точную характеристику интеллигентского сознания: раздвоенного, несамостоятельного, антитрадиционного, эмоционально-волевого, внеэтического и вечно стремящегося к власти.

* * *

В России просвещенческая интеллигенция сменилась революционной, затем возникла советская интеллигенция, которая недавно трансформировалась в креативный класс. Интеллигенция меняет свой стиль из века в век. Однако неизменной сохраняется ее основа – «воровское» сознание, носителями которого будут и следующие поколения интеллигенции. Они отойдут от обветшавших формулировок просвещения и гуманизма, будут говорить другими терминами, но сохраняют внутренний «воровской» дух своей речи, главная черта которой – борьба с традицией и стремление стать единственной традицией самому, по своей воле определять состояние культуры и направление истории.

Речь человека, то есть его образ мыслей, неотделима от этики. Это означает, что речь является областью человеческой свободы. Несмотря на врожденную способность каждого человека владеть языком, сама речь не является врожденной и детерминированной. Родная

культура и язык приписываются человеку по его рождению и не могут быть изменены в течение жизни, оставляя человеку свободу в области духа. Человек влияет на свою речь, на образ своих мыслей, изменяя состояние своего духа, и человек влияет на свое состояние духа, корректируя свою речь. Речь как область свободы связана с выбором, то есть с нравственностью. Использовать интеллигентскую речь или нет – вопрос нравственного выбора человека.

Литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М. : Издательство политической литературы, 1970. Т. 51. 592 с.
2. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции : Сборник статей. СПб. : Типогр. т-ва «Общественная польза», 1910. Переиздание 1998 г. 304 с.
3. Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции / Н.А. Бердяев // Собр. соч. Париж : YMCA-Press, 1990. Т. 4.
4. Бердяев Н.А. Ставрогин // Русская мысль. М., 1914. Год тридцать пятый. Кн. V.
5. Лихачёв Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1935. № III–IV. С. 47–100.
6. Пиотровский Н.А. Прямое высказывание // Язык : Сборник статей о становлении русского дискурса / сост. А.В. Щипков. М. : Пробел-2000, 2017. С. 127–136.
7. Щипков Александр. Ирония и христианство несовместимы [Электронный ресурс] // Парламентская газета (pnp.ru). 29.01.2018. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/aleksandr-shhipkov-ironiya-i-khristianstvo-nesovmestimy.html> (дата обращения: 20.02.2018).
8. Щипков В.А. Похищение традиции и секулярное пастырство (об историческом феномене интеллигенции) // Тетради по консерватизму. 2017. № 4. С. 29.

Аннотация. В статье предпринимается попытка с опорой на труды Н.А. Бердяева и Д.С. Лихачева проанализировать характер речи интеллигенции, которая является отражением интеллигентского сознания. Под «речью» понимается способ мыслить, воспринимать мир, душевное состояние человека. Отмечается, что специфика используемой речи отражает иерархию интеллигенции, очерчивается ее круг, а также помогает ей поддерживать волевое отношение к «внешнему» миру как объекту. В статье предпринимается попытка проанализировать основные черты интеллигентской речи с помощью метафоры воровской речи. Выделяются общие черты и функции, которые характеризуют одновременно воровскую и интеллигентскую речь, среди которых – сектантский тип мышления, стремление (речи) быть эгоистичной, непонятной и насильственной, иллюзия творческой свободы, имитация ничем не ограниченного творчества, поиск сверхполномочий и абсолютной власти, опора на бранную речь. В статье проводится мысль, что речь человека неотделима от этики, поскольку связана с областью свободного выбора своего состояния: человек влияет на свою речь, на образ своих мыслей, изменяя состояние своего духа, и человек влияет на свое состояние духа, корректируя свою речь. В выводе статьи утверждается, что использование интеллигентской речи – не привилегия избранных, но вопрос нравственного выбора каждого человека.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллигентская речь, воровская речь, нравственность.

Vasiliy A. Shchipkov, Ph.D. in Philosophy, Lecturer at Department of the International Journalism, MGIMO-University, Director, Russian Expert School. E-mail: vas.ship@mail.ru

Thieves' Speech of Intelligentsia

Abstract. The article is based on the works of N.A. Berdyaev and D.S. Likhachev and examines the nature of speech of intelligentsia, which is the reflection of intellectual consciousness. By «speech» the author means the way of thinking, of perceiving the world and human state of mind. It is noted that the specificity of this speech reflects the hierarchy of intelligentsia, outlines its circle and helps it to maintain a strong-willed attitude to the «outside» world as an object. The article attempts to analyze the main features of intellectual speech using the metaphor of thieves' speech. The author singles out certain common features and functions that characterize both thieves' and intellectual speech, among them – the sectarian type of thinking, the desire (of the speaker) to be selfish, unclear and violent, the illusion of unlimited creative freedom, the search for absolute power, reliance on abusive speech. The article suggests that a person's speech is inseparable from ethics, because it is connected to the free choice of one's condition: a person himself affects his speech, his way of thinking, changing the state of his spirit; and a person affects his state of mind by correcting his speech. The author concludes that the use of intellectual speech is not a privilege of the chosen ones, but the result of moral choice of each person.

Keywords: Intelligentsia, Speech of Intelligentsia, Thieves' Speech, Morality.